

 MOJANG

МИНЕСРАФТ КРАИ

КЭТРИН М.
ВАЛЕНТЕ

Minecraft. Original

Кэтрин Валенте

Minecraft: Край

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(7Coe)

Валенте К. М.

Minecraft: Край / К. М. Валенте — «Издательство АСТ»,
2019 — (Minecraft. Original)

ISBN 978-5-17-119704-9

На окраине Телоса, самого большого города в странном измерении под названием Край, живут странники, близнецы Фин и Мо. Под неусыпным надзором могущественного дракона Края они исследуют древние руины и считают, что им известно о Крае все. Но однажды в их размеренную жизнь врываются пришельцы из других земель. Их зовут люди, и они хотят выкрасть артефакты странников и убить дракона Края. Фин и Мо хотят сразиться с захватчиками, но, едва встретившись с ними, понимают, что не готовы к битве и на самом деле очень мало знают о своем мире и о своем народе. Так они оказываются в самом центре войны, которая ставит под угрозу существование Края.

УДК 821.161.1

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-119704-9

© Валенте К. М., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1. Я, ты, мы, они	6
Глава 2. Дом и дракон	13
Глава 3. Кэн	20
Глава 4. Совет Края	26
Глава 5. Шпион	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кэтрин Валенте

Minecraft: Край

Catherynne M. Valente
Minecraft: The End

© 2019 by Mojang AB and Mojang Synergies AB
«MINECRAFT™ is a trademark or registered trademark of Mojang Synergies AB.» All Rights Reserved
© Валерия Либельт, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Посвящается Авроре и Коулу.
Всего один шаг в портал – и мы снова вместе*

*Давным-давно жил-был игрок. И этот игрок – ты.
Иногда он считал себя человеком, который живет на хрупкой
поверхности наполненного лавой каменного шара. Тот каменный шар,
наполненный лавой, вращался вокруг другого шара из пылающего газа в
триста тридцать тысяч раз больше него.*

*Они находились так далеко друг от друга, что свету требовалось
восемь минут, чтобы добраться от одного шара до другого. Свет
излучала звезда, и он мог сжечь твою кожу с расстояния в сто
пятьдесят миллионов километров.*

*Иногда игроку снилось, что он стал шахтером и живет в плоском
мире, что не имеет конца. Там солнце было похоже на белый квадрат.
День длился недолго, а успеть требовалось много. И смерть там
считалась лишь временным неудобством.*

Джулиан Гоф, Поэма Края

Глава 1. Я, ты, мы, они

В Крае всегда царит ночь. Нет ни рассветов, ни закатов. И стрелки на часах ничего не отсчитывают.

Но это не значит, что в Крае совсем нет понятия времени. Или же света. В бесконечном мраке мерцают острова: один бледно-золотой круг плывет за другим. Из земли к тусклому небу поднимаются деревья и тянутся башни одного и того же фиолетового цвета. На деревьях спеют плоды, а в башнях полным-полно комнат. В углах балконов и крыш, будто свечи, сияют, прорезаясь сквозь мрак, полупрозрачные стержни Края. По всей цепочке островов сверкающими точками раскинулись древние и молчаливые города из башен, переливающиеся фиолетовым и золотым, как и все в Крае. Мимо них проплывают огромные корабли с высокими мачтами. А внизу зияет черная и бездонная пустота.

Прекрасное место. И вовсе не пустынное.

Здесь, на островах, полно странников Края, чьи тонкие черные силуэты бродят по маленьким желтым холмам и крошечным желтым долинам. Тут и там вспыхивают фиолетово-розовым их глаза. Их тонкие черные руки качаются в такт тихой, едва слышной музыке; они плетут заговоры и затевают интриги в высоких замысловатых зданиях, что древнее самого времени. Странники видят все. И не говорят ничего.

На кораблях и в башнях в своих панцирях от посторонних глаз прячутся шалкеры – маленькие желто-зеленые слизняки. Иногда они выглядывают наружу. Но потом снова смыкают створки своих панцирей, прячась, как моллюск в раковине. Именно с таким тихим, глухим звуком хлопающих панцирей и бьется сердце Края.

А на главном и самом большом острове повсюду возвышаются огромные обсидиановые столбы. Они окружают невысокую площадку из серого камня, освещаемую факелами. На вершине каждого столба сияет яркий фонарь – бушующее в серебряной клетке пламя, свет которого падает вниз, на траву и маленькую серую площадку, и устремляется вверх, в черное небо.

А над всем этим, описывая широкие круги, летает неведомое нечто. Огромное. Крылатое. Не знающее усталости. Оно пролетает один круг за другим, и его фиолетовые глаза пылают яростным огнем.

«Фин!»

Мрак внезапно разрезало слово, прилетевшее с берега одного из внешних островов. Почти все пространство там занимал Телос – самый большой город в Крае. Будто живое дерево, он пустил корни в островном нагорье, раскинув по нему свои пагоды и огромные залы. Город освещали стержни Края, рассыпаясь белоснежными искрами. Где-то хлопали своими крохотными панцирями шалкеры. Рядом с Телосом на привязи, словно пес, парил огромный фиолетовый корабль, лишенный океана. Пиратский корабль. Ко многим городам Края до сих пор были привязаны корабли. Правда, никто не знал, зачем. Так же, как никому не было известно, кто же построил здесь все эти огромные странные города. Точно не странники Края, хотя они были бы рады назвать все места в свою честь. И не то существо, которое без усталости описывает круги над порталом в никуда. И даже не шалкеры, лишенные возможности открыть для себя внешний мир, потому что постоянно прячутся. Корабли просто всегда были здесь. Как и города. Как всегда существовал и сам Край или какие-нибудь алмазы, облака или вторники.

«Фин! Нашел что-нибудь стоящее?»

Тонкий и юный странник Края быстро телепортировался с одного конца острова на другой, ловко перемещаясь по закоулкам Телоса. На черной квадратной голове блестели голодные глаза. В тонких, но сильных руках он что-то крепко сжимал. Странник появлялся в одном месте, потом исчезал и тут же возникал совсем в другом. И так пока не оказался на палубе

корабля Края. Здесь его уже ждала другая странница Края, прислонившись к мачте и скрестив черные руки на худой груди.

«*Не-а*», – подумал странник Края. В тот же миг его слова появились в голове собеседницы. Странникам не нужны были рты, чтобы говорить, или уши, чтобы слушать. Вообще никакой потребности в звуках. Общаться мысленно гораздо проще, чем разговаривать. Ты просто смотришь на кого-нибудь и думаешь в его направлении, а он тебя понимает.

«Ничего особенного, Мо. Немного жемчуга Края, и все. У нас его уже целая куча. Брррр, возьми жемчуг, а то у меня аж мурашки по коже от него. Я думал, что кираса, которую мы нашли на прошлой неделе, уже восстановилась, но, видимо, кто-то уже до нее добрался. У меня еще есть немного красной руды. Ну и, пожалуй, все. В следующий раз ты пойдешь. У тебя нюх на хорошие вещи».

Двенадцатилетние близнецы Фин и Мо спустились в трюм своего корабля. Технически, Фин был на десять минут старше сестры, но он этим особо не гордился. Споры о том, кто старше, отдавали упорядоченностью и иерархией – одним словом, Порядком, а вот его как раз в Крае и не любили.

Странники Края всегда жили здесь и не помнили никакого другого места. Здесь они выросли. Это был их дом – их и всех странников, которых можно найти сотнями на любом из местных островов. Фин и Мо жили на корабле Края, набитом всяким хламом, что они тащили отовсюду, где только найдут. Среди него был и *очень хороший* хлам. Алмазы, изумруды, золотая руда, лазурит. Зачарованные железные поножи, разные кирки, семена свеклы, плоды коруса, седла и доспехи для лошадей (которых, правда, они никогда в жизни не видели). Десятки комплектов чудесных серых крыльев, которые можно надеть и полететь куда угодно. Но был еще и просто старый хлам: камни, глина, песок и старые книги с оборванными корешками. Но Фин и Мо не обращали внимания. Все-таки они были сборщиками – а сборщики не особо придиличивы. Никогда не знаешь, когда тебе вдруг пригодится старая добрая глина.

Близнецы-странники знали, что существуют и другие миры. Ведь вполне логично это предположить, если живешь в месте под названием «Край». Если существует Край, то должно быть и Начало. Место, *благодаря* которому Край и стал так называться. Что-то совершенно другое. Зеленое и яркое, с голубым небом и синей водой. Место, где бродят овцы и свинки, летают пчелы и плавают кальмары. Другие странники Края постоянно ходили в тот мир. Фин и Мо слышали много историй. Но *их* миром был Край. Здесь, среди своих сородичей и привычных порядков, они были в безопасности.

Трюм Фин и Мо забили сокровищами под самый потолок. Поэтому близнецам приходилось шагать осторожно, чтобы ничего не задеть. Они так делали тысячу раз, и среди мечей, шлемов, драконьих голов и слитков уже вились хорошо протоптанные дорожки. Но были здесь и маленькие чистые закутки для жизни, где можно отдохнуть и поесть.

А еще держать питомцев.

«*Привет, Ворчун!*» – радостно подумала Мо, обращаясь к шалкеру, который спрятался в свой панцирь у дальней стены. Он тоже всегда жил здесь, прямо как сами близнецы. Фин и Мо никогда бы не смогли избавиться от него, хоть им и пригодилось бы свободное пространство для новой добычи. Когда-то они пробовали бить шалкера по панцирю до тех пор, пока он не сломается и существо не исчезнет. Но моб всегда возвращался на прежнее место уже на следующий день. В конце концов брат и сестра сдались и приняли шалкера в семью. Дали ему имя. И вверили охрану захламленного корабля. Ведь никогда не знаешь, когда кто-нибудь попытается тебя ограбить. Если ты хранишь столько сокровищ в одном месте, тебе нужно быть начеку. Конечно, Ворчун не столько *охранял*, сколько просто *сидел и ненавидел весь мир*, как и всегда, но с ним странники чувствовали себя в безопасности. Ведь это не просто шалкер. А *их личный* шалкер.

Ну, если это вообще был «он». Фин и Мо никогда не любопытствовали. Они уважали личное пространство шалкера.

«Привет», – пришла мысль от Ворчуна. Он выглянул из панциря, и близнецы мельком увидели его желто-зеленую голову: «*Я вас ненавижу*».

«Ну и ладно, – пожал плечами Фин. – *Хороший мальчик*».

«А вот и нет! – огрызнулся Ворчун. – *Я укушу тебя!*»

«А вот и да, – подумала Мо. – *КТО ТУТ ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК?*»

Шалкер что-то проворчал себе под нос и захлопнул панцирь. В головах близнецов появилась его последняя мысль, маленькая и сердитая: «*Я плохой мальчик. Вот увидите. Завтра как покусаю вас*».

Из-под пары блоков какой-то неизвестной руды Мо и Фин вытащили корзину с плодами коруса и поделили их поровну для завтрака. Они все делили поровну. Очень тщательно, очень взвешенно, даже чересчур. Довольные близнецы стояли рядом друг с другом и молча собирали завтраки каждый для себя.

«Ворчун, охраняй корабль, – подумали Фин и Мо. – *Мы пойдем навестим ЭД. Не позволяй никому трогать наши вещи*».

«*Ненавижу этот корабль*, – пожаловался Ворчун, не открывая панциря. – *И тебя ненавижу. И ЭД. И все ваши вещи тоже ненавижу*».

«Ну вот и поболтали, Ворчун». – Брат и сестра мысленно посмеялись в своих больших черных головах.

Фин и Мо телепортировались на палубу корабля Края. Ночное небо было очень красивым, особенно на фоне сияющего во мраке города. Но странники пошли совсем не в город. То появляясь, то исчезая из виду, близнецы двигались к своей цели по цепочке островов. При каждом прыжке их жемчужины Края ярко светились.

Через пару минут они добрались до главного острова. Здесь между обсидиановыми столбами толпами бродили странники Края. Темноту прорезали лучи света, исходящие от фонарей-клеток.

«Приветствую, хубунит Паа, – обратился Фин к высокому пожилому страннику, которого они часто встречали здесь. – *Да здравствует Великий Хаос!*»

«*Да пребудет с тобой Великий Хаос, мой юный друг*», – торжественно отозвался Паа. Так звучал обычный ответ на приветствие. Все странники Края поклонялись Великому Хаосу. Для них Вселенная делилась на Хаос и Порядок. Обитатели Верхнего мира верили в Порядок, но странники знали, что все это ложь. Всегда было и будет ложью. Самой большой из всех, что когда-либо звучала. В Верхнем мире люди верили, что ты сможешь построить такую крепость, что никто из врагов не сможет в нее попасть. Верили, что тебе и в самом деле по силам создать что-нибудь идеальное, способное выдержать испытание временем. Но только странники Края – слуги Великого Хаоса – понимали, что это глупо. И доказать это было их священной целью. Жить становится куда лучше, когда ты осознаешь истину: случиться может что угодно, когда угодно и с кем или чем угодно. Рано или поздно Великий Хаос приходит ко всем. И однажды он придет за целой Вселенной.

Задачей странников было помогать Хаосу любыми доступными способами. И самое священное из всех путешествий, которые только мог совершить странник Края, – это отправиться в Верхний мир, чтобы увидеть своими глазами Силы Порядка и помешать им. Стоит убрать лишь один кирпичик из фундамента уютного дома, и тут же начнет работать Великий Хаос. Крыша промокнет от дождя или сгорит в огне. Через дыру в фундаменте внутрь проникнут криперы. А за ними подтянутся воры и обчистят вас. Порядок – это так *скучно*. Разве жизнь не становится более интересной, когда ты выпускаешь в нее Хаос?

«Приветствую, хубунит Лопп, – мысленно обратилась Мо к стоявшей на берегу и смотревшей вдаль страннице Края, окруженной сияющими фиолетовыми искрами. – Да здравствует Великий Хаос».

«Приветствую тебя, Мо, – ответила Лопп. – Я ожидаю возвращения моих странников с охоты. Они отбыли в Верхний мир, чтобы преследовать Порядок и разрушить его. Я безмерно горда за моих подопечных. Они принесут нашему Краю славу».

«Уверена, они скоро вернутся», – попыталась утешить ее Мо.

Странница обернулась и смерила близнецов взглядом. Какая же она была высокая!

В ее пурпурных глазах промелькнуло нечто странное.

«Вы здесь одни? Вас покинули силы? Вам нужно слияние с более сильным и могущественным хубунитом?»

Мо сделала шаг назад. Взрослые странники Края не испытывали особого доверия к юным, гуляющим сами по себе без присмотра. Где-то в глубине души у них сразу же зарождалась тревога. А вот Мо не нравились мысли взрослой странницы. Все слова такие сухие, официальные и длинные. Так и норовят уколоть. И их слишком много. Детям это никогда не нравится. Поэтому Фину и Мо, как и любому страннику их возраста из тех, что они встречали, тоже не нравилось. Видимо, когда ты достигаешь совершеннолетия, тебя поражает какое-то заклинание и превращает в заносчивого выскочку.

Но, конечно же, Лопп так замысловато думала только по той причине, что на острове дракона Края сейчас находилось слишком много странников. Если странник Края останется один, то он будет злым и грубым – ничуть не лучше медведя, которого еще и регулярно по голове били. Только в компании сородичей их мысли становились такими длинными и обретали интересные подтексты. Группу странников называли Стаей. А весь их мир назывался Край. Здесь все странники собрались вместе, став самой огромной Стаей, которая только может быть.

В Крае живет много разных странников, и каждый находится на определенном этапе жизни. Краефраги – это юные особи, которые недавно отделились от пары зрелых хубунитов. Нубуниты представляли собой взрослых странников, которые еще не решились продолжить род и создать свою собственную Стаю. А еще там жили краксуниты – великие и древние предки, которые создавали свою Стаю в одиночку, воспроизводя себе подобных без чьей-либо помощи. Если одни странники собирались с другими, чтобы обменяться опытом или решить какую-нибудь проблему, это называлось собранием Края. Конечно же, легче всего было объединиться с членами своей собственной Стаи. Ведь они знали тебя еще до того, как ты появился на свет! Но странник Края мог слиться на уровне разума и с любым другим странником, чтобы обрести силу, стать умнее, хитрее или осмотрительнее. Именно безопасность и предлагала Лопп. Один кирпичик – это ничто, пусть он и может больно ударить, если упадет на тебя. Но сотня кирпичей, сложенных вместе, – это уже мощная стена.

Правда, Мо это было не нужно. У нее уже есть Фин. И этого достаточно. Всегда было достаточно. Когда она практиковала мысленное слияние с другими странниками, *кроме* Фина (и еще одного, о котором Мо старалась не думать, потому что мысли о запланированных с Кэном делах *совершенно* отвлекали), у нее все начинало ужасно чесаться – аж кожу хотелось с себя содрать. От этого Мо хотелось плакать. Такая встреча наполняла ее чрезмерным количеством энергии, и она едва могла удержаться, чтобы не начать бегать, прыгать и кувыркаться словно сумасшедшая. Может быть, Мо и поумнела бы после собраний Края, но она никогда не *чувствовала* себя умнее, потому что не могла сосредоточиться из-за чесотки, слез и желания кувыркаться. Возможно, это пройдет через несколько лет, когда она станет нубунитом. Пока что Мо и Фин все еще были краефрагами.

А может, вся проблема заключалась в самой Мо. Нельзя отрицать и такой вариант.

«Нет, я в порядке». – яростно отозвалась Мо.

«Ты уверена? – с нарастающим беспокойством спросила высокая странница. – Я сейчас свободна. Как хубуниту мне нет равных. Никто не может так хорошо телепортироваться и сражаться, как я».

«Да в порядке я!» – мысленно закричала Мо и побежала к Фину, не оборачиваясь.

А дракон Края все летал, и летал, и летал по кругу, грозно рыча. Он нырял и лавировал между башнями, то и дело спускаясь, чтобы отдохнуть на маленькой серой площадке в сердце острова. Потом дракон вновь издавал рев и поднимался ввысь.

Фин и Мо телепортировались на вершину одного из черных столбов. Они уселись на темном камне рядом с фонарем и какое-то время наблюдали за драконом Края. Близнецы обожали так делать. И неважно, как долго ты смотришь на ЭД (так они называли зверя), – дракон всегда оставался для них огромным, страшным и интересным. Каждая из его вздымающихся на спине чешуек. Его невероятные крылья. Огромные лиловые глаза. Каждый раз, когда дракон пролетал мимо, близнецы дрожали от страха и волнения. От последнего в большей степени.

«Ты когда-нибудь хотел попасть туда?» – спросила Мо, жуя плод коруса.

«Куда?» – Фин следил за полетом дракона Края и не особо вслушивался в слова сестры. Кто вообще стал бы слушать сестру, когда рядом летает дракон? Теперь он, кстати, отдыхал внизу, на крошечной каменной площадке.

«В Верхний мир».

«Брр, нет. А зачем? Там ведь живут люди».

Люди были худшим из всего, что Фин знал. Даже хуже бездны, в которую так легко провалиться. Хуже, чем взрослые странники Края. Хуже, чем воры, покусившиеся на твои сокровища. И гораздо хуже Ворчуна. Люди ненавидели странников Края. Они их *убивали* и потом крали *сердца*. Те самые жемчужины Края, благодаря которым странники могли телепортироваться. Они рождались с ними внутри. И кто же делал это? Кто крал *сердца*?

«Не знаю. – Мо вытянула длинные черные ноги. – Встретили бы новых людей. Убили бы их. Получили бы новые сокровища. И достали бы какую-нибудь нормальную еду, а не плоды коруса. Ну и послужили бы Великому Хаосу».

«Мо, ты же знаешь, что случается с нашими хубунитами. Они уходят в Верхний мир – и уже никогда не возвращаются. Если бы не Верхний мир, у нас все еще была бы наша Стая».

«Они попали под дождь», – подумала Мо. Ужасные воспоминания. Для их народа дождь был подобен яду. Попасть под летнюю грозу для странника – все равно что оказаться под дождем из миллиона серебряных пуль.

«Такое могло случиться с каждым. Вот чему учит Великий Хаос. Он дарует и отнимает. Это могло случиться с тобой, со мной или Ворчуном. Под дождь могли попасть и краефраги Лопп. Она каждый день стоит там и ждет их возвращения. А ты хоть раз видела кого-нибудь из Стаи Лопп?»

«Нет», – тихо подумала Мо.

Фин сбросил плод коруса с края столба. Тот полетел вниз, к желтой земле. *«Ну вот, пожалуйста. Это может случиться с кем угодно. Сколько странников Края мы теряем каждую неделю?»*

«Их благородная жертва да ускорит воцарение Великого Хаоса», – со священным трепетом подумала Мо.

«Да, да, да. Но угадай, кто делает всю грязную работу на стороне Сил Порядка? Люди. Все наши проблемы из-за людей. Из-за них мы даже не помним, как выглядят наши хубуниты. Именно из-за них мы не можем просто раз – и выбраться в Верхний мир на приятный пикник, когда нам захочется. Да и в любом случае оно того не стоит. Я обещаю. В Верхнем мире нет ничего такого, что было бы лучше, чем у нас здесь. Единственная веская причина туда наведаться – это во имя служения Великому Хаосу. Но я бы пошел на это, только если мне

бы надоело жить. В конце концов, если ты отказываешься служить кому-то – это так в духе Хаоса».

Фин проследил взглядом за крохотными фиолетовыми частицами, летающими вокруг него. Благодаря им можно было понять, когда странник Края говорит, даже если ты его не слышишь. Маленькие огоньки, мерцающие фиолетовым, вились возле них, показывая, что странники сейчас общаются телепатически.

«Вот это и делали наши хубуниты? Служили? Жертвовали собой?»

«Думаю, да. Я предпочитаю считать именно так. Тогда получается, что мы остались сиротами не просто так, не из-за глупой и подлой шутки, которую подстроил ради забавы Великий Хаос».

«Как насчет мести? – мимоходом бросила мысль Мо. – Мы ведь могли бы охотиться на людей ночами напролет. Наверное, это даже весело. Ради разнообразия украли бы сердца у них».

«Мо, Верхний мир очень опасен. Туда уходят и больше не возвращаются. Зачем так рисковать?»

«Думаю, ты прав. Кроме того, здесь у нас уже есть все, что нужно». – Она сжала его тонкую черную руку.

Тут и там сверкали огоньки фонарей. Это была самая прекрасная ночь, какую близнецы только могли вообразить. Как и каждая ночь в Крае. Фин обнял свою сестру за плечи длинной угловатой рукой и нежно погладил по квадратной голове.

«О! – подумала Мо. – Смотри! Он летит к нам».

Дракон Края направлялся к близнецам, забирая с собой свет фонарей, мимо которых пролетал.

«Добрый день, ЭД», – Мо застенчиво помахала дракону рукой, когда он начал спускаться вниз, к их столбу. Близнецы часто пытались заговорить с ним, но дракон не был ручным. И очень редко им отвечал.

Но сегодня все поменялось.

Дракон Края повернул к ним свою квадратную черную голову и открыл огромную пасть. Внутри она переливалась лиловым.

«Приветствую тебя, Мо, и да пребудет с тобой удача». В голове Мо вспыхнули и затрепали мысли дракона, которые были гораздо громче и необъятнее, чем мысли странников Края.

Мо замерла, не успев донести плод коруса до рта: *«Он знает, как меня зовут! Откуда он знает, как меня зовут?»*

«Да ты, похоже, известная личность», – подумал Фин. Мо почувствовала, как в сознании брата всколыхнулась зависть.

Дракон Края чуть наклонился вбок и зашел на новый круг. Его рев отдался в пустоте эхом.

«Кха, странник Фин».

«Он и мое имя знает! Как круто!»

Дракон Края резко развернулся, облетев один из дальних столбов.

«Но „кха“? Что это за слово такое вообще? Он болен? Его тошнит? Тебе дракон сказал что-то про удачу, а я получил лишь „кха“?»

«Это значит „привет“», – мысленно хихикнула Мо.

«А! Привет, ЭД Привееееет! Кха! Может быть, он с нами подружится? Как думаешь? Мо?»

Мо не была в этом так уверена. Дракон сейчас летел прямо на них. И лиловый огонь в его глазах говорил совсем не о том, что он хочет подружиться с близнецами. На этот раз, когда дракон пролетал мимо них, его крыло скользнуло по поверхности столба и сбросило странников на землю с такой легкостью, словно они были пушинками.

«А ТЕПЕРЬ УБИРАЙТЕСЬ!» – проревел голос ЭД у них в головах. Рядом от страха задрожал хрустальный фонарь. Дракон со свистом рассек воздух хвостом, словно кнутом, и скрылся во мраке.

«Это. Было», – подумал Фин.

«Просто. Невероятно!» – закончила за него Мо. Их фиолетовые глаза сверкали от восторга.

Мо оторвала кусок серебряной сетки, которой был прикрыт фонарь. Ей всегда было сложно устоять перед желанием что-нибудь стащить.

«А давай, кто вперед до дома?» – радостно предложила Мо и исчезла. Фин растворился в воздухе вслед за сестрой.

Глава 2. Дом и дракон

Фин сидел на высоком желтом холме на окраине Телоса. Странник жевал плод коруса и смотрел на двор, находившийся внизу. Он простирался от главной городской башни до одной из небольших пагод. Над двором в безветренной ночи безжизненно повисли знамена. Под двором не было ничего, кроме пустоты.

А что же внутри? Внутри двора находился Дом Края.

Мо не нравилось бывать здесь. *«Если мы им не нужны, то и они нам тоже»*, – всегда говорила она. И потом принималась за какое-нибудь занятие, тем самым избавляя себя от необходимости продолжать диалог. Но Фин никак не мог избавиться от привычки приходить сюда. Ему нравилось смотреть, как краефраги учатся, сражаются, играют и тренируются. Даже за их дружескими ссорами и враждой было интересно наблюдать. Фин подходил достаточно близко, чтобы смешаться с толпой и не выглядеть глзлым (он сам придумал это слово, сложив вместе «глупый» и «злой», называя так странников-одинок), но и держался на расстоянии так, чтобы никто не подумал его прогнать. Именно здесь краефраги проходили тренировки по выживанию в Верхнем мире. Учились служить Великому Хаосу. Сражаться с людьми. Фин сказал сестре, что ему безразличен Верхний мир. И так как Мо могла прочитать его мысли, он не солгал, иначе сестра упрекнула бы его во лжи. Но это была только *часть* правды, пусть даже и большая. Фину *не хотелось* идти в этот огромный, яркий и жаркий мир. Но ему хотелось тренироваться с остальными краефрагами в Доме Края. Главной целью Дома было в один прекрасный день подняться в Верхний мир и разорвать на мелкие кусочки все, что встретится на пути. Фин представлял, как занимается в Доме вместе с остальными, как становится лучшим учеником в классе и обретает популярность, а еще – как разговаривает с целым десятком странников – или *того больше* – в любое время, когда захочется поделиться своими мыслями. А не только с сестрой и капризным шалкером, да и то в конце дня.

Сегодня странники Края тренировались в искусстве телепортации. То исчезая из поля зрения, то появляясь вновь, они перемещались на вершину башни и обратно вниз. Затем на холм и вновь во двор. Туда, сюда, в любом направлении. *«Я тоже так могу, – подумал Фин. – Я бы отлично справился. Даже лучше, чем как минимум половина из них. Или три четверти. Да, определенно, три четверти»*.

Ну ладно, может быть, Фин и не смог бы так хорошо телепортироваться здесь. Но вот дома, на его корабле... Фин мог с легкостью исчезать и появляться, как тасующаяся в колоде карта. Туз, король, дама, валет. Нос, корма, трюм, вышка на мачте. И никаких проблем. Но именно поэтому Фину нужно было быть здесь, в Доме, с остальными краефрагами! Чтобы он мог научиться телепортироваться где угодно, а не только в том месте, где чувствовал себя в безопасности. Так *несправедливо*.

Иногда, когда ты телепортируешься, возникает ощущение, словно ты на пути пролетаешь сквозь разные другие места. Как будто, когда ты пробиваешься сквозь мир, он истончается, и ты можешь видеть другие Края, похожие на этот, но только... более мирные, тихие, где много хороших и полезных вещей. Фин хотел бы расспросить кого-нибудь об этих местах, но ему не разрешали тренироваться, поэтому разговаривать было не с кем. Несправедливость так и бурлила внутри.

Но больше всего, вот прямо *по-настоящему*, обижало то, что и Фин, и Мо были весьма сообразительными. Если бы вы спросили Фина, он бы сказал, что они гораздо умнее какого-нибудь обычного странника Края. Да и Мо ответила бы так же. И они никогда не бывали глзлыми дома, на своем корабле, притом что жили совсем одни. А теперь представьте, какими умными они бы стали, если бы им разрешили приходить в Дом с другими странниками! В группах странники всегда были умнее, и чем больше их собиралось – тем лучше. И если близ-

нецы вдвоем достаточно хорошо соображали, то в компании двух десятков сородичей они бы вообще были как боги. Но такой возможности им так и не представилось.

Мо считала, что им вообще не нужно это обучение. Так она и сказала Фину этим утром, когда он собирался уйти. Правда, это и утром-то не назвать. Так говорят только в Верхнем мире. В мире *Порядка*. Хотя определять, день сейчас или ночь, можно по стержням Края. В определенные моменты они начинают сиять ярче или же, напротив, тусклее. Если очень хочется, то можно считать, что это такие часы. Но тогда уже какое-то кощунство получается. Упорядочивание Хаоса. Счет времени в безвременье. Это так... против правил. И поэтому очень волнующе. Так что время от времени близнецы позволяли себе побыть плохишами. Когда стержни сияли ярче всего, брат и сестра считали, что наступило утро, а когда они тускнели – значит, уже спустился вечер. Но Фин и Мо никогда и никому не рассказывали об этом.

«Они не могут нас научить ничему новому, мы и так все знаем, – поделилась мыслями Мо в то самое „утро“. – Мы умеем строить, собирать вещи, путешествовать и сражаться, а наши мысли такие же четкие и прямые, как дорога, ведущая от дома дракона Края к внешним островам. Мне нравится наша жизнь такой, какая она есть. И я не понимаю, зачем вообще что-то в ней менять. Вот как ты до этого говорил. Ты ведь не хочешь попасть в Верхний мир? Вот и я так же не хочу идти в Дом. Поэтому сразу понятно, что мы близнецы. Мы даже отличаемся одинаково. Чтобы отдыхать и веселиться, не обязательно идти учиться в дурацкий Дом Края».

Самое интересное, что Фин знал: его сестра в глубине души считала иначе. Ей не нравилось, как устроена их жизнь сейчас. Множество раз Фин замечал, как она смотрит в пустоту и мечтает о чем-то или ком-то другом. А может, о каких-нибудь далеких местах. Мо ему никогда не расскажет. А Фин не станет допытываться. Если бы он захотел узнать, то мог бы сделать это обманом. Заглянуть в те части сознания Мо, которые она прятала. Но это было бы ужасно грубо, а еще Фину самому очень бы не понравилось, если бы Мо сделала то же самое с ним. Поэтому у сестры были свои секреты, чтобы и Фин мог хранить что-нибудь в тайне. Но тогда это было справедливо. А Фин знал, что справедливость относилась к Порядку. С другой стороны, секреты – это семена Хаоса. Поэтому он решил, что в целом все находится в балансе. В любом случае, Фин знал, что Мо вовсе не была так счастлива, как притворялась. Брат все чувствовал.

Единственный друг близнецов, странник по имени Кэн, не понимал, что им так дался этот Дом Края. *«Я ненавижу тренировки, – всегда делился он с Мо и Финном. – Хубуниты заставляют меня ходить туда каждый день, это так скучно! А когда другие фраги бьют меня, то еще жестоко и больно. Смотритель Овари постоянно бубнит что-то о людях и Великом Хаосе, а я каждую минуту мечтаю оказаться где-нибудь совершенно в другом месте, играть там свою музыку, и чтобы меня никто не колотил. Я бы даже дома с радостью посидел, а ведь мне там не очень-то и нравится. Когда я жалуюсь, смотритель говорит лишь, что если я стану сильнее, то мне больше не будет больно. Или если я буду двигаться быстрее, то противники не успеют меня ударить. Но я не хочу быть ни сильным, ни быстрым. Только что-нибудь прямо противоположное боли. Вам так повезло, что не надо ходить в этот Дом. И даже не рассказывайте мне, каким чудесным вы его себе представляете. Вы просто ничего не знаете. Но если вам станет от этого легче, то я могу вас ударить несколько раз. Очень сильно ударить».*

Но Фин не думал, что им повезло. Без хубунитов он чувствовал себя сиротой, не способным найти себе место в этом мире. Фин считал себя изгоем. И хотел лишь быть нормальным. Быть похожим на остальных. А почему он не мог? Почему вообще его хубуниты должны были отправиться в Верхний мир? Почему жизнь Финна не могла просто быть *хорошей*, а не такой, словно он одинокий отброс? Конечно, так говорить не совсем честно. Иногда жизнь все же была хорошей. Да и взрослые странники Края никогда не проявляли жестокость. Они про-

сто... не знали, что же делать с близнецами. Странники вели себя весьма дружелюбно, когда Фин и Мо приходили в Телос пополнить припасы или отпраздновать Краество – важное событие, когда все странники отмечали рождение Великого Хаоса, почитали красоту своего мира и восхищались силой своих семей. Своими личными Стаями. Разумеется, близнецам не позволяли должным образом праздновать Краество. Если у тебя нет своей Стаи, то праздновать и не получится. Только один день в году все странники Края играли музыку и вместе пели песенки, расхаживая огромными компаниями. Близнецам все равно больше всего нравилось наблюдать за огоньками. Издалека. Со стороны. Как и всегда в их маленьком мирке.

«Приветствую тебя, Фин. Приветствую тебя, Мо, – так думали все взрослые странники, когда встречали близнецов на улицах Телоса. – Такие покинутые и слабые... вы не боитесь вот так забредать сюда после того несчастья, что вас постигло?»

«Спасибо, что напомнили», – всегда огрызался Фин, и обычно после этого взрослые замолкали.

До Краества оставалось совсем немного. Фину нужно было придумать какие-нибудь особенные подарки для Мо, Кэна и Ворчуна.

Внезапно рядом с ним в траве возник – точнее, возникла – незнакомый краефраг. Она была невысокой и коренастой, гораздо ниже Фина. По ее черной коже разливалась потрескивающая фиолетовая энергия. Странница резко повернулась и посмотрела на него.

Когда ты впервые вступаешь в контакт с мыслями другого существа, обычно видишь теплое приветствие. Изображение какой-нибудь вещи, характеризующей того, с кем ты делишься мыслями. Что-то вроде снимка его души. Когда Фин заглядывал в сознание Мо, его приветствовал их корабль. Люк в трюм был всегда открыт, а сам он – полон сокровищ и маленьких зверушек со всех концов Края. На одном из факелов даже сидел крошечный дракон. Мо любила животных, хоть на самом деле и видела их не так-то и много – только ЭД, шалкеров и чешуйниц Края. Но она миллион раз слышала, как сородичи рассказывают о свиньях, коровах, овцах, лисах, черепахах и кальмарах, обитающих в Верхнем мире, и потому представляла, что знает о них все. Сознание Мо было похоже на дом, полный счастливых животных, которые выглядели очень похожими на настоящих, но при этом все же отличались от обычных свиней, коров, овец, лисиц, черепах и кальмаров. Когда Фин заглянул в мысли Кэна, то увидел ноты, которые танцевали и красиво спускались по спиралям. Кэну очень нравилась музыка. Конечно, Фин не мог посмотреть, что творится в его собственной голове. Но Мо рассказывала брату, что его сознание выглядит как красивая и уютная комната, где повсюду – на полу, на каждом столе и стуле – лежали ручки и открытые книги, чтобы в них писать.

Когда Фин заглянул в голову странницы, он увидел ее Стаю: стоящих рядом хубунитов, нубунитов и совсем маленьких. Их руки так сильно переплетались, что невозможно было разглядеть, где заканчивается один странник и начинается другой.

Бррр. Она была *хуже всех*.

«Клянусь Великим Хаосом, как же меня сюда занесло? Все слишком быстро случилось, – с потрясением выдохнула незнакомка. – Мой друг, похоже, ты попал в ту же ситуацию, что и я! Может, вернемся назад вместе?»

«Хорошая работа», – пробормотал Фин.

Зависть жгла его изнутри. Через минуту она в мгновение ока вернется в Дом Края, а Фин все будет сидеть в одиночестве с недоеденным плодом коруса в руках. Они выглядели очень похоже. Но у них не было ничего общего. Они не друзья. Им никогда не подружиться. Отличались даже ее мысли, наполненные красивыми официальными словами. Она пыталась говорить как взрослые – те огромные, высокие странники Края с их элегантными телепатическими речами. Просто потому, что незнакомка принадлежала к Дому и нравилась взрослым странникам, которые, наверное, хвалили ее за то, что она постоянно изображала из себя тощего и злого уничтожителя людей. Что ж, эти прекрасные мысли надолго не задержатся. Сейчас

они слишком далеко от Дома: слияние быстро погаснет. А Фин много раз пробовал установить слияние с расстояния. Это просто необходимо, если ты живешь на самой окраине. Но вот у нее совсем не было практики. Если она задержится здесь еще на несколько минут, где из странников находился лишь один Фин, то ее начнут одолевать мысли вроде: *«Я сильная. Ты глупый»*. А потом она, возможно, его ударит. И Фину придется решать, можно ли считать ответный удар служением Великому Хаосу.

«Так, подожди-ка», – подумала странница. Фин почувствовал, как она закрывает от него свое сознание. Знакомое ощущение. Так делали все нормальные краефраги, когда понимали, кто перед ними. Один из *тех самых*. Чужак. Сирота. Один из двух близнецов без семьи, которые прятались на старом обветшалом корабле, словно шалкеры. У Фина по спине побежали колючие, как иголки, мурашки. Так колет ногу, если ее отсидеть. То же самое испытываешь, когда какой-нибудь странник злобно смеется над тобой.

«Я тебя не знаю», – продолжила странница. Фин поежился. – *Ты не из моего тренировочного класса. Почему ты убежал из Дома? Где твои родители? Где твоя Стая? Здесь, в дюнах, никого нет. А еще прямо сейчас идут уроки, и в это время всем детям Края запрещено гулять в одиночку. Без исключений»*.

«А мне – можно», – мысленно отрезал Фин. – *Мне можно, и моей сестре тоже»*.

Странница прищурила свои пурпурные глаза, пытаясь разобраться, в чем же дело: *«Я не понимаю»*.

«Вот и началось. Ее мысли ускользали. Слишком много времени провела вдали от других странников. Слишком много времени без слияния. Меня зовут Фин. А мою сестру – Мо. А ты Конека, верно?»

«Все так». – Конека согласно кивнула. – *Да, Конека. Но как ты можешь знать Конеку, если мы прежде не встречались? Почему ты бродишь тут один, а не тренируешься с нами? Быть одному опасно. Возвращайся в Дом вместе с Конеккой»*.

«У меня нет Стаи», – огрызнулся Фин. – *И хубунитов тоже нет! И раз я сирота, Совет Края решил, что мы с сестрой должны жить отдельно от всех, а не учиться в Доме Края с тобой и твоими счастливыми маленькими дружками. Считается, что без Стаи мы недостаточно умны для тренировок. Так они сказали»*.

«Вот как», – подумала Конека.

«Да, вот так», – ответил Фин. – *Но я могу делать все то же самое, что и ты. Вот увидишь. Когда-нибудь. Если задуматься, то мы с сестрой – истинное порождение Великого Хаоса. Стая – это своего рода Порядок, который никто из живущих здесь не замечает. И в отличие от тебя, я свободен от его оков»*.

«Я, наверное, пойду», – робко подумала Конека. – *Не знаю, что мне следует сказать или сделать. Так что я пошла»*.

«Ну и отлично», – бросил Фин и пнул ногой траву.

«Точно».

«Давай-давай».

«Я ухожу».

«Так иди».

Странница гневно посмотрела на Фина. *«Какой же ты глупый»*, – с неприязнью подумала Конека и растворилась в воздухе.

Фин встал и сделал пару шагов к краю заросшего травой острова. Чуть подождал, а потом выкинул недоеденный фрукт в бездну. Ему больше не хотелось есть. Молодой странник стоял и смотрел, как плод катится по краю, а потом срывается и летит вниз. *«Сама она глупая»*, – подумал Фин. – *Они все глупые. Да мне все равно»*.

Но, конечно же, ему было не все равно.

Мо взобралась на один из высоких обсидиановых столбов на главном острове Края. Она сидела, откинувшись на серебряную клетку, в которой бились кристальные языки пламени, освещавшие пространство, словно пойманные луны.

В небе все кружил дракон Края. Его огромные черные крылья вздымались и опускались, снова поднимались – и так до бесконечности. Все это происходило так медленно и плавно, словно летать дракону было гораздо легче, чем лежать на земле огромным булыжником. Его массивная квадратная голова постоянно находилась в движении, как у акулы, будто он что-то искал и никак не мог найти. Мо даже представить себе не могла, чего такое чудовище могло бы хотеть. Чего ему не хватало? Ведь дракон мог забрать силой что угодно.

Время от времени дракон ненадолго опускался на землю, но ему там не нравилось. И он вновь и вновь поднимался в чернильное небо, принимаясь описывать бесконечные круги.

«*Нет*». – Слова дракона появились в голове Мо, словно чья-то рука написала их на огромном белоснежном листе бумаги. То был ответ на вопрос, который она получила еще до того, как осмелилась спросить: «*Мне никогда не скучно. Ни разу не скучал за всю долгую, мрачную и насыщенную историю существования. Я проглотил свою скуку, когда кометы были еще молоды. На вкус как смерть*».

Это и правда произошло! ЭД говорил с Мо! С ней! Мо! Мо, которая была Никем. И дракон сказал даже больше, чем просто «кха» или «приветствую тебя»! А Фина, как назло, здесь нет! Он в одиночестве дулся на Дом Края безо всякой на то причины. Мо не было никакого дела до других странников Края, обходивших близнецов стороной и придумывавших для них всевозможные правила. Но она заботилась о своем брате, своих сокровищах, своем друге и своем драконе.

Ну, не совсем *ее* драконе. На самом деле дракон не может никому принадлежать. Но Мо восхищалась огромным зверем больше, чем кто-либо другой. Никого дракон не волновал так же сильно, как ее. Насколько Мо понимала, никому особо не было до него дела. Дракона Края можно сравнить с солнцем в Верхнем мире. Он так же *просто существовал*. И занимался своими делами. Тебе не нужно было пытаться заговорить с ним, хорошо к нему относиться или даже любить. Это было бы *странно*.

Иногда ЭД решал, что с близнецами можно поговорить. Но угадать, будет ли сегодня тот самый день, было невозможно. И это был первый раз, когда дракон говорил с Мо наедине, без Фина. Дракон был очень капризным. А еще не очень-то и добрым. Но все равно – ужасно *интересным*. Ничто в мире больше так не интересовало Мо. Она собралась с мыслями и направила их сквозь холодный воздух, между столбами, прямо к длинному черному зверю.

«*Да здравствует Великий Хаос!*» – радостно подумала Мо.

«*Ты можешь задать вопрос, странница*», – ответил дракон Края.

«*Почему ты все время летаешь кругами на одном и том же острове, на одном и том же месте? Почему бы тебе просто... не улететь? Ты ведь такой большой и сильный! Ты мог бы улететь, куда захочешь. Делал бы что вздумается. И никто не смог бы тебя остановить. Почему бы тебе не отправиться в путешествие? Я бы так и сделала, будь я драконом*».

Лениво скользящий в ночи ЭД поднял на странницу свой фиолетовый взгляд.

«*А кто сказал, что я не путешествую? Прямо сейчас? На твоих жалких смертных глазах?*»

«*Я. Я сказала. Ты же просто летаешь кругами. Это сложно назвать путешествием. Едва дотягивает до послеобеденной прогулки*».

«*Вот как ты считаешь*», – тихо прорычал дракон. – *Ты еще маленькая. От таких, как ты, я другого и не ожидал*».

«*Эй, не очень-то и хорошо так говорить*». Его слова пусть и немного, но задели Мо. Она знала, что не следовало обижаться на мысли монстра о ней, но ничего не могла с собой поделать.

Дракон взмыл выше, а его мысли падали на Мо сверху, словно капли дождя: *«Я не хороший. В этих словах есть толика смысла, разве нет? Я проглотил в себе все хорошее еще до того, как вулканы научились извергаться. Оно мне мешало».*

«Ну давай, громадина, докажи, что я ошибаюсь. Расскажи мне о своем путешествии».

«Оно еще не началось».

«Так вперед, отправляйся в путешествие!»

«Ты ничего не понимаешь. Ты маленькая и глупая, потому ничего и не понимаешь. С тобой я просто трачу время. А мое время ценнее любых алмазов».

У Мо на глазах выступили слезы.

«Почему ты так груб со мной?»

«Добрый я тоже быть не обязан. Нет такого закона, который бы меня принудил. И нет такого существа, которое бы заставило меня быть хорошим».

«Как бы я хотела быть драконом! Тогда бы я смогла говорить все, что хочу и кому хочу, а они бы ничего не смогли сделать в ответ, потому что я была бы огромной, черной и страшной. И еще дышала бы огнем. И если бы я стала драконом, то ни за что не стала бы летать по кругу, как бесполовая летучая мышь. – Мо отчаянно пыталась сдержать слезы. – Я бы сожгла всех, кто посмеет обидеть меня или Фина! Я бы полетела в Верхний мир и предотвратила все плохое, что только могло случиться! И уничтожила бы всякого, кто решится поднять руку на странника Края!»

«И вернула бы родителей». – Мо не решилась сказать это, но именно так она себя и чувствовала в глубине души, где от боли сжалось сердце. Но это было просто нелепо. Родители Мо погибли. И даже дракон не смог бы их вернуть. На самом деле Мо плохо их помнила. Если бы все странники Края, погибшие в Верхнем мире, выстроились бы в ряд, Мо даже не узнала бы тех, кого хотела спасти.

Эд качнулся и опустился ниже, а его тень напугала парочку взрослых странников, которые прежде с безразличием смотрели дракону вслед.

«Дитя, ты не дракон. Ты странница. Хотя нет. До странницы ты еще не доросла. И так как ты не дракон, твой разум не в состоянии постичь то, что прямо сейчас, на этом острове, среди обсидиановых столбов, я провожу самые лучшие дни моей неизмеримо бесконечной жизни».

«Я не понимаю».

«Именно. Так я и сказал. Ты глупая».

«А вот и нет!»

«Уходи. Я устал от тебя».

«Но я хочу узнать больше о твоём путешествии! Зачем ты вообще со мной заговорил, если собирался лишь обзывать?»

«Лучшее время в мире – это время перед тем, как путешествие начнется, – прогудел голос дракона в голове Мо. – Ведь до его начала существует возможность, пусть даже и небольшая, что оно закончится иначе, чем обычно. Сейчас здесь тихо. А тишина – это отдых для ума. Скоро начнется путешествие, а путешествие всегда оканчивается болью. Завершая его, ты должна спросить себя: а было ли это вообще твоё путешествие? Может быть, ты стала лишь препятствием на пути чьих-то поисков».

Мо вздохнула.

«Когда ты не говоришь загадками, пытаясь выставить меня глупой, ты мне нравишься куда больше».

Эд выпустил из пасти во мрак огненную струю.

«А мне больше всего нравится, когда тебя здесь нет».

«Ну и прекрасно, – с досадой подумала Мо. – Уже неважно. Даже с Ворчуном говорить приятнее, чем с тобой. Ты просто ужасен. Я принесла тебе обед, хоть тебе и все равно. А теперь и мне плевать! Да и вообще это не для тебя, я их случайно нашла. Забудь».

Странница вытащила из сумки парочку самых спелых плодов коруса и осторожно положила их на столб, где дракон мог бы с легкостью их съесть.

Дракон Края на мгновение завис в воздухе, внимательно разглядывая ее подношение. *«Разве уже пришло время?» – тихо подумал он. – Должно быть, да».*

«Я не понимаю, что это значит», – ответила Мо.

«Для меня ты лишь букашка. А букашкам не положено ничего понимать».

«Я все равно тебя люблю». – Мо всегда старалась сказать это дракону, когда он заводил с ней разговор, чтобы он об этом знал. Пусть даже если дракон съест ее любовь на завтрак и превратит в огонь.

«У меня нет на это времени. Уходи».

ЭД полетел прочь, и его хвост растворился во мраке.

«Прекрасно, – подумала Мо и пнула серебряную клетку, в которой горело пламя. – Это просто огромная глупая змея. Суций пустяк».

Но, конечно же, ей было не все равно.

Мо не стала подбирать фрукты и оставила их на высоком черном столбе, а сама телепортировалась.

После мгновения, длившегося вечность, дракон Края вернулся, схватил плоды своим длинным красным языком и с огромным удовольствием их съел.

Глава 3. Кэн

«Я вас ненавижу. Просыпайтесь».

Мысли Ворчуна вспыхивали и гасли в головах близнецов, словно сигнал будильника.

«Я вас ненавижу. Просыпайтесь».

Фин потянулся. Странники Края спали стоя. В Крае кроватей как таковых не было. Если ты сделаешь кровать и попытаешься лечь, то она, скорее всего, взорвется. Странникам все равно не требовалось много сна. В этом они были похожи на кошек: засыпали там, где придется.

«Я вас ненавижу. Просыпайтесь. К кораблю кто-то приближается. Я их ненавижу. Прогоните чужаков. Сейчас самое время их прогнать. О, как же я их ненавижу. Снова это происходит. Сделайте что-нибудь, прекратите это».

Мо выхватила из кучи зачарованный железный меч и осторожно выглянула из трюма. Лишняя осторожность никогда не помешает. Ведь люди не просто жили в Верхнем мире, а время от времени заявлялись и сюда тоже. Ну, по крайней мере, так рассказывали. Пока такого не случалось, но обязательно случится рано или поздно. Этого не избежать. А когда люди видели корабли, чьи трюмы ломились от сокровищ, то, как правило, сходили с ума. Хотя, насколько Мо могла судить, они с самого начала были сумасшедшими.

Странница огляделась. Вдалеке виднелись светящиеся стержни Края и развевающиеся знамена Телоса. В остальном ночь была тихой и спокойной. Как и всегда. Мо никого не видела.

«Ты уверен, что кто-то идет, Ворчун? Милый маленький Ворчун».

«Ненааавишишжуууу», – прошипел шалкер из трюма. – Хочу покусать!»

«Хорошо-хорошо». – Мо снова высунула голову из трюма.

«Здесь есть кто-нибудь?» – подумала она на такой частоте, которую мог бы услышать любой. – *Человек, человек, человек, давай сюда!»*

«Я не человек, друг мой. Но если вы сегодня в настроении для игры в людей, то я могу украсть ваши сокровища», – всплыла мысль в сознании Мо. Странница сразу же поняла, кто с ней общается. Их единственный друг в Крае.

«Привет, Кэн!»

Ворчун заворочался в своем панцире. *«Видишь? Он снова пришел. Я его ненавижу. Я ненавижу, что он... приходит сюда. Это отвратительно. Он постоянно тут ошивается, а ведь даже не живет здесь, потому я его и ненавижу. Прогоните его. Пусть больше не приходит».*

На палубе серо-лилового корабля появился юный странник. Одну длинную руку он поднял в качестве приветствия. В другой Кэн сжимал коричневый музыкальный блок в клеточку – самое драгоценное свое сокровище. Кэн был выше и худее Фина, но так как характер ему достался стеснительный, он казался меньше, чем любой из близнецов. Его глаза были большими и красивыми, но Кэн всегда щурился, стараясь их спрятать, чтобы никто не обращал на них внимания.

Потому что глаза Кэна отличались от больших, ясных, пурпурно-фиолетовых глаз других странников.

Они были зелеными.

Никто не знал, почему. Никто не помнил, чтобы у кого-то еще из странников за всю историю существования Края были зеленые глаза. Окружающих это беспокоило. Иногда даже слишком. Все странники Телоса старались не смотреть Кэну в глаза, если это было возможно. Фин и Мо относились к этому иначе. Для них некоторые странники просто рождались другими, и все. Кто-то был сиротой. А у кого-то были зеленые глаза. Мо думала, что они прекрасны. Ни у кого в Крае больше не было такого оттенка глаз. Ярко-зеленые, как трава в Верхнем мире. Как изумруды. Как листья дерева, подсвеченного солнцем.

Кэн поднял свои черные руки и поприветствовал Мо.

«Я снова сбежал, – торжествующе объявил зеленоглазый странник. – Мои хубуниты попытались меня вернуть, но у них не получилось. Я быстрее, чем они. Смотритель Овари попыталась притащить меня назад, но не смогла. Ведь я сильнее. Так что их тренировки помогают, правда не так, как хотелось бы. Они просто ужасны. Каждый раз я думаю, что смогу их вынести, но все оказывается наоборот. Можно я тут у вас спрячусь?»

«Мы всегда тебе рады, – подумала Мо. – Давай, заходи!»

«Я вас вообще-то совсем о другом просил», – завопил Ворчун.

Вот такая собралась компания. Так было всегда: Фин, Мо и Кэн – как утро, день и ночь. Ничто не могло разделить лучших друзей. Хотя хубуниты Кэна не очень это одобряли. Да что там – никто не одобрял.

Фин и Мо жили на окраине Телоса. Можно сказать, на окраине жизни. У них не было Стаи. В глазах других странников они представляли угрозу. А вот Кэн считал их классными. Для странников Стая – это все. Поэтому Фин и Мо должны были считаться никем. Но ведь они не были никем. А вообще-то очень даже кем-то. Странника определяла Стая, к которой он принадлежал, а Стая, в свою очередь, принадлежала странникам. Видимо, поэтому никто в Телосе не знал, что делать с Фином и Мо, которые начали жить в одиночестве на старом обветшалом корабле после того, как их родители не вернулись из Верхнего мира. Большинство сородичей считали их ужасно глупыми. Как они могли быть кем-то, если их Стая состояла всего лишь из брата, сестры и шалкера? Такое и Стаей не назовешь. Только если... кучей хлама. Так что в основном другие странники не беспокоили близнецов. Проблемы у брата и сестры появлялись, лишь когда они выбирались в город.

Но Кэн знал кое-какой секрет о Фине и Мо. Они были очень умными. И их компания казалась гораздо приятнее общества краефрагов из Дома Края, или ужасного смотрителя, или вообще любого из хубунитов, нубунитов или фрагов, с которыми Кэн когда-либо встречался. Может быть, все дело в том, что они близнецы. Единственные близнецы, которых знал Кэн. Может, все близнецы такие, как Фин и Мо. А может, здесь та же самая ситуация, что и с его зелеными глазами. Просто какой-то каприз природы. Но почему-то этих двоих было достаточно. Даже притом что обычно группа из двух странников едва могла вместе сосчитать до десяти. Для нормального разговора требовалось как минимум трое. Хотя, Фин и Мо прекрасно общались без чьей-либо помощи. А втроем они себя чувствовали *одним целым*.

Несомненно, Кэн был частью Стаи. Как и все остальные краефраги. Но Стая никогда не занимала много места в его душе. Кэн постоянно сбегал из дома. На этой неделе – уже третий раз. Он терпеть не мог свои ощущения во время побега – до тех пор, пока не ступал на палубу корабля близнецов. Он чувствовал себя злым, глупым, раздраженным и обиженным, едва помнящим, куда и почему бежал. Но стоило ему появиться на борту корабля, как Кэн испытывал приятный холодок мысленного слияния. Он чувствовал, как успокаивается и вновь обретает рассудок. Потому что здесь его дом. Не со Стаей, а с друзьями.

Мо никогда не встречала странника Края, который хоть раз сбежал из дома. Но Кэн появлялся у них каждые три-четыре дня. Не то чтобы Мо осуждала своего темного друга. Она понимала Кэна, ну или, по крайней мере, так думала. Мо бы не понравилось, если бы она застряла в какой-нибудь угрюмой и отвратительной компании, где все постоянно бы ее отчитывали и говорили, что делать. Кем быть. Наверное, она бы тоже сбежала. Мо считала, что никого не нужно наказывать за побег. Ведь это часть Великого Хаоса. Если ты подчиняешься правилам и остаешься там, где тебе не нравится, то ты сдаешься Силам Порядка.

Мо повела друга в трюм. Фин жарил семена плодов коруса в железной кирасе над факелом. Так можно приготовить немного странный и кислый фиолетовый попкорн. Странники так и не поняли, как его можно съесть без вреда для здоровья, но им нравилось смотреть, как лопаются ядра. Время от времени они кормили этим Ворчуна, насыпая попкорн пригоршнями

в его панцирь, как рыбкам в аквариум. *«Спасибо – говорил шалкер. – Терпеть это не могу. Я бы вас покусал».* Но Ворчун всегда съедал попкорн до последней крошки. И никогда не рассказывал, как ему удастся переварить эту штуку.

Фин помахал им своей длинной черной рукой в железной перчатке, которую они использовали в качестве прихватки. На сковороде подпрыгивали кусочки фруктов. Хлоп! Хлоп! ТРЕСК!

Кэн глубоко вдохнул запах попкорна из плодов коруса. Воняло ужасно. Но это был запах дома.

«Ваш дом мне нравится гораздо больше, чем мой, – с грустью подумал Кэн. – Как бы мне хотелось жить с вами».

«У нас места нет», – в шутку бросил Фин. Но в его голове промелькнула мысль, которой он не стал делиться: «Было бы здорово. Но тогда твои хубуниты в самом деле убьют нас. Они пронесутся по кораблю словно тень, таящая в себе острые ножи, и больше мы никогда не сможем приготовить этот несъедобный попкорн».

Кэн устроился в углу трюма, сев между блоком изумруда и парой старых сапог. Свой музыкальный блок он поставил на пол между ног, уткнулся в него лбом и какое-то время сидел так. Кэн ни о чем не думал. По крайней мере так, чтобы его слышали близнецы. Странники Края могли скрывать свои мысли от других, если им так хотелось. Только это расценивалось как нечто очень грубое и неприличное. Конечно же, Кэн не плакал. Странники не умеют плакать. Но Фин и Мо видели, как в его сознании падают на землю крошечные белые искры, срывающиеся со стержней Края на вершинах башен Телоса. Они поняли, что это значит, как любой человек бы понял, почему у другого из глаз льются слезы.

Наконец Кэн начал постукивать по коричневой крышке музыкального блока. Фин нетерпеливо вздохнул и сел рядом, скрестив свои длинные ноги. Мо наклонилась вперед, чтобы лучше слышать. *Никто* не играл на музыкальном блоке так хорошо, как Кэн. Конечно, близнецы время от времени находили такие штуки – чаще всего тогда, когда человеку не удавалось убить дракона Края (то есть практически всегда) и он выбрасывал свои предметы, понимая, что его ждет. Но когда Фин и Мо пробовали сыграть что-нибудь, у них выходили лишь короткие отрывистые звуки, совсем не похожие на песню.

Когда играл Кэн, даже облака переставали плыть по небу, чтобы его послушать.

Он скользнул ладонями по крышке блока, и из него полилась музыка. Она заполнила трюм до краев и выплеснулась на палубу. Мелодия была одновременно печальной и радостной, немного жесткой и при этом полной надежды. А еще быстрой и легкой. Так и хотелось притопнуть ногами в такт. Музыка побуждала тебя пуститься танцевать, обнять своих друзей, а потом выбежать на улицу и отправиться покорять мир. Ну или тех, кто пытался указывать тебе, что делать.

Панцирь Ворчуна немного приоткрылся. Из щели выглянула желто-зеленая голова. Кэн перестал играть.

«Дай угадаю, – подумал он, глядя на шалкера. – Ты ненавидишь мою музыку?»

Ворчун помолчал какое-то время, а потом ответил: *«Нет».*

Трое странников выдохнули от удивления. Они не могли поверить в происходящее. Конечно, Кэн прекрасно играл. Он был лучшим. Но ведь Ворчун ненавидел *вообще все*. Кэн иногда думал, что в этом шалкер чем-то похож на его родителей.

«Она мне ПРОСТО ОЧЕНЬ НЕ НРАВИТСЯ», – огрызнулся Ворчун и захлопнул свой панцирь.

Дружелюбное квадратное лицо Кэна обернулось к друзьям. Он всегда был самым красивым из всех странников в Крае. Мо так думала. И Фин так думал. Но каждый раз, когда они приходили в Телос и встречали других странников на длинных фиолетовых улицах, то часто слышали мысли взрослых, которые думали, какой Кэн уродливый и неуклюжий. Какие у него

страшные глаза. Какой он глупый, странный и даже отвратительный. Мо так злилась на них. Ведь Кэн был очень красив! Как же они этого не замечали? Если бы только весь Телос мог слышать, как Кэн играет на музыкальном блоке... но, с другой стороны, хубуниты же не стали относиться к нему лучше.

*«Сегодня утром я играл эту песню. Один из моих хубунитов услышал и так сильно разо-
злился. Вообще он прав. Они мне столько раз говорили забыть о музыкальном блоке.*

*– Прекрати! – кричал он. – Избавь меня от этого ужасного шума! Музыка – одна из
главных слуг Порядка! Как мог ты привести ее в наш дом? Еще один звук – и я не выдержу.
Будь тем, кем должен быть. Одним из нас. Отправляйся в Верхний мир. Нападай на людей!
Служи Хаосу, как твои верные товарищи-краефраги. Ешь, сражайся и веселись! Почему ты
все время грустишь и поешь песенки? Ты ведь не какой-нибудь забитый попугай!*

А потом он попытался сломать мой музыкальный блок».

«Сочувствую, – подумал Фин. – Интересно, наши хубуниты вели бы себя так же?»

*«Но если я попытаюсь уйти, попытаюсь спасти мой блок, то будет только хуже! Без
меня мой первый и второй хубуниты, как и все пра-хубуниты, нубуниты и краефраги, стано-
вятся гораздо слабее и глупее. Они будут с криками преследовать меня и пытаться вернуть
в Стаю, пусть даже я совсем не хочу быть ее частью! Я не хочу идти в Верхний мир! Мне
вообще нет до него никакого дела! Там ужасно! Там светит яркое солнце. Я не хочу воевать.
И на Великий Хаос мне плевать».*

Мо ахнула. Говорить такое – просто преступление. Самое настоящее, серьезное преступ-
ление. Если бы только взрослый странник услышал, о чем они думают...

*«Я не хочу быть странником Края, если мне придется нападать на людей, сражаться
и разрушать все вокруг. Я просто хочу играть свою музыку. И мне нравится моя Стая! Кэн,
Фин, Мо, Ворчун и этот корабль! Моя настоящая Стая. А они меня не понимают. И НИКО-
ГДА не поймут».*

«Нам тоже нравится наша стая», – подумал Фин.

Какое-то время все молчали.

*«Через сколько они придут за тобой?» – мягко поинтересовалась Мо. Кэну не хотелось
говорить об этом, но каждый раз, когда его хубуниты за ним приходили, кораблю порядком
от них доставалось.*

*«Я не знаю. – Мысли Кэна походили на едва слышимый шепот. – Как же я жалею, что
у меня есть хубуниты».*

«Не говори так!» – яростно подумал Фин.

«Так нельзя!» – одновременно с ним воскликнула Мо.

Кэн стал думать так тихо, что близнецы едва слышали его мысли, мерцающие в их голо-
вах, словно гаснущие свечи. *«Тогда я жалею, что родился другим. Жаль, что мне не нравится
сражаться и разрушать, как другим странникам. Лучше бы я вообще никогда не слышал
музыку. Я просто хочу быть нормальным. Почему Великий Хаос сделал меня таким?»*

«Я думаю, что ты и так прекрасен», – подумала Мо.

Внезапно панцирь Ворчуна открылся. А потом вновь захлопнулся. Открылся. Захлоп-
нулся. Открылся – захлопнулся, открылся – захлопнулся, с каждым разом все быстрее и
громче. **«К КОРАБЛЮ КТО-ТО ПРИБЛИЖАЕТСЯ! –** прокричал скрипучий голос шалкера
в головах друзей. **– К КОРАБЛЮ КТО-ТО ПРИБЛИЖАЕТСЯ. КТО-ТО БОЛЬШОЙ. НЕНА-
ВИЖУ. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ. Я ИХ ВСЕХ ПОКУСАЮ. КЛЯНУСЬ. ПОЗ-
ВОЛЬТЕ МНЕ ИХ УКУСИТЬ. ВЫ НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ. ЕСЛИ Я ИХ УКУШУ, БУДЕТ ЛУЧШЕ.
ВЕРЬТЕ ВОРЧУНУ. ВОРЧУН – ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК».**

Фин и Мо повернулись к выходу из трюма. В их головах, словно мигалки, мерцали и
завыли ужасные мысли второго хубунита Кэна – Каршена.

«КЭН! ГДЕ ТЫ ПРЯЧЕШЬСЯ В ЭТОЙ ГЛУШИ?!»

Голос, полный ярости. Заносчивости. С той самой странной манерой говорить, которую так любили взрослые странники. Их троих было достаточно, чтобы Каршен мог собраться с мыслями и говорить так, как ему хочется.

«КЭН! Я НАЙДУ ТЕБЯ!»

«Я, наверное, пойду, – мрачно подумал Кэн. Своей тонкой черной рукой он схватил музыкальный блок: – Не хочу, чтобы хоть одно из ваших сокровищ пострадало, как в прошлый раз. Мне так стыдно за поведение моих хубунитов. Простите».

«КЭН! ТЫ ГЛУПЕЕ, ЧЕМ КАЖЕШЬСЯ! ЯВИСЬ ПЕРЕД СВОИМ ХУБУНИТОМ! МЫ НЕ РАСПОЛАГАЕМ ДОСТАТОЧНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ТРАТИТЬ ЕГО НА ТВОИ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЕ ИГРЫ. ЯВИСЬ. ГРЯДУТ СОБЫТИЯ. УЖАСНЫЕ СОБЫТИЯ».

В одиночку странник Края, может быть, и не так умен, как в компании сородичей. Но все-таки он достаточно силен. Друзья слышали, как Каршен бежит по верхней палубе. Как под его руками хрустнули перекладыны лестницы, стоявшей с правой стороны от мачты.

«Я пойду», – снова подумал Кэн. Но так и не двинулся.

«О чем он говорит? – быстро спросила Мо. – О каких страшных событиях?»

«Не знаю. Когда я уходил, все было в порядке. Тишина. Ну, только, как обычно, крики о том, какие они чувствительные и как сильно ненавидят музыку».

«КЭН!»

«Сегодня день моего отделения, – мрачно подумал Кэн. – А они даже не помнят об этом».

Странники Края появлялись на свет совсем не так, как люди. Маленькие краефраги просто копировались по образу первого хубунита. От огромного черного блока отделялось маленькое черное существо. Краефраги были очень похожи на крошечные яйца. Ни боли, ни драмы, ни первых объятий матери. Новорожденный странник Края был частью главного хубунита всего лишь мгновение, а потом становился самостоятельным. Но все же они праздновали день своего отделения. По крайней мере, так было заведено.

Теперь друзья слышали мысли первого хубунита Кэна, Тэг. Они звучали даже громче, чем мысли Каршена. Под ее тяжелыми шагами трещала палуба.

«Они разрушат корабль», – забеспокоился Фин.

«КЭН, ТЫ ДОЛЖЕН ПОЯВИТЬСЯ ПЕРЕД СВОИМИ СОЗДАТЕЛЯМИ!»

«Прощайте, друзья. – Кэн помахал рукой и начал подниматься по ступенькам к своей семье. – Еще увидимся как-нибудь. Я надеюсь».

«Все будет хорошо», – подумала Мо ему вслед.

«А будет ли?»

«Даю клятву Края», – заверил его Фин.

«И я», – добавила Мо.

Кэн кивнул. В мягком свете Края его лицо выглядело невероятно красивым.

«Пусть так. Я вам верю».

«КЭН, ТЫ ТАК ВНЕЗАПНО ПОЯВИЛСЯ, СЛОВНО ПО ВОЛШЕБСТВУ». Два высоких странника отправляли свои мысли по широкому диапазону, совершенно не заботясь о том, кто их может услышать. Должно быть, они и правда очень волновались. Обычно странники Края старались транслировать свои мысли в какую-то одну точку, четко направляя их, словно луч фонаря.

«Как вы так быстро меня нашли?» – сухо поинтересовался Кэн.

«Ты всегда приходишь сюда, – подумала первый хубунит Кэна, возвращаясь к стандартному диапазону. – Разве есть причины искать тебя где-нибудь еще?»

Но его второй хубунит не успокаивался, все еще крича на пределе своих мысленных сил.

«ТЫ ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ НЕМЕДЛЕННО. НА ОБСУЖДЕНИЕ ТВОИХ НЕУДАЧ У НАС НЕТ ВРЕМЕНИ».

«Зачем? Что меня ждет дома? Снова крики?»

Мысли Кэна раскалились добела от негодования.

Первый хубунит присела на корточки, согнув свои черные ноги. Огни Телоса за спиной странницы причудливым желтоватым венцом обрамляли ее голову. Она внимательно заглянула в странные, ужасные, зеленые глаза своего фрагмента. И даже погладила его по голове, хоть и немного. Словно она заботилась о нем. И сейчас, несмотря на то что Фин, Мо и даже Ворчун все еще могли читать ее мысли, она продолжала тихо говорить.

«Кэн, мой дорогой фрагмент, тебе следует вернуться домой и подготовиться. Это не обсуждается. Мы должны защитить наш род. Скоро сюда придут люди».

Глава 4. Совет Края

Люди.

Одно-единственное слово заставило Мо содрогнуться.

Люди.

Фин ни разу не видел человека. И ему не хотелось с ними встречаться.

Вообще, они приходили в Край. Время от времени. Налетали как паразиты. Как криперы, которые в солнечный день внезапно к тебе подкрадываются. Как чешуйницы, которые выпрыгивают на тропинку, которую ты считаешь безопасной. Как пауки, нападающие на тебя после захода солнца. Или еще хуже: чешуйницы Края, которые грызут фундамент мира до тех пор, пока он не даст трещину.

Но для Мо и Фина это были всего лишь сказки. Слухи. Воспоминания. Чужие воспоминания. Старейшины рассказывали близнецам, какими были их родители, и в той же манере объясняли, как выглядят люди. Просто на всякий случай. Вдруг это когда-нибудь им пригодится, чтобы защитить самих себя.

Люди очень странные. Они были чужаками. Выглядели очень уродливо. В отличие от красивых, тонких, черных странников, которые возвышались, словно деревья, люди были короткими и толстыми, а все части их тел – заплывшие глазки, мокрые животы, ужасно воняющие ноги и какая-то особенно мерзкая штука, называемая волосами, – были разных цветов, которые перемешивались между собой. Люди были жестокими и злыми, даже когда у них было все, о чем они мечтали. Если дать человеку хороший уголок болота, леса или луга, он вытащит оттуда все ценное меньше чем за день. И это в лучшем случае. Люди просто засасывают все в себя, словно торнадо из мягкой плоти. И все это ради того, чтобы построить какой-нибудь бессмысленный дом, замок или статую, вместо того чтобы оставить все нетронутым. Ведь сама по себе природа намного красивее, чем их странные уродливые постройки. Иногда, ради развлечения, они бьют мечами овец, свиней или даже камни. Просто посмотреть, что получится. Как будто они заранее не знают. А если они увидят тебя, пусть даже краем глаза, – то непременно до тебя доберутся. Поэтому ты должен добраться до них первым. Вот и все, что требуется сделать. Выживает самый быстрый. Как только ты увидишь хоть одного человека – будет слишком поздно. Глазом моргнуть не успеешь – а они уже расползутся повсюду.

Добраться до людей легче всего ночью. Они спят в кроватях в своих домах. Странники Края спят урывками, с чуть приоткрытыми глазами, всегда настороже и готовые отбиваться от врагов. Очевидно, весьма разумный способ отдохнуть! Одному из старейшин, долговязому и грубоватому старику по имени Сама, пришлось объяснять близнецам, что «спать» означает «лежать на одном месте несколько часов, при этом ты ничего не слышишь и не видишь». Мо и Фину это показалось очень глупым и опасным, о чем они и сообщили Саме. Старейшина с ними согласился, и они пошли по своим делам, довольные, что оказались правы. Вот поэтому людям и нужны были кровати и дома: чтобы быть в безопасности, пока они занимаются по ночам своими дурацкими вещами. Так что лучше всего поймать их до того, как они запрутся в своей маленькой крепости.

И, разумеется, Фин и Мо прекрасно знали, что больше всего люди любили есть на обед хубунитов.

Правда, близнецы ни у кого не спрашивали, что же люди любят есть. Им это и не нужно. Такова была история их жизни.

Люди – это монстры. Чудовища из ужастиков. И теперь они шли сюда.

Созвали Совет Края.

Так как странники Края становились умнее и внимательнее, когда находились рядом со Стаей, на Совете Края их интеллект достигал пика. Со всех уголков мира странники с семьями стягивались на остров дракона Края, чтобы что-нибудь обсудить или спланировать. Когда требовалось принять решение, способное повлиять на судьбу всех странников, они собирались вместе под длинными тенями обсидиановых столбов и набирались знаний. Конечно, сюда приходили не все странники, которые существовали. Это было бы невозможно. Странники обитали повсюду, во всех уголках света. На Совете присутствовали даже не все обитатели Края. Край был так огромен, что разные его части могли целую вечность никак не сообщаться между собой. Но собравшихся было достаточно. Достаточно, чтобы выбрать правильный путь.

С момента появления Фина и Мо на свет Совет собирался лишь один раз: когда их хубуниты умерли и никто не знал, как поступить с сиротами. Больше его созывать и не требовалось. В Крае все это время царил мир. Конечно, случались и набеги людей. Но не происходило ничего такого, что требовало бы определенного плана действий.

До настоящего момента.

Странники прибывали на остров, словно черные птицы, группами по четыре, пять, шесть или восемь, а иногда их число доходило до двенадцати, пятнадцати или даже больше. Своими прекрасными широкими головами они обращались к кристальному свету, льющемуся с башен, и к тени скользящего в вышине дракона, который не принимал участия в собрании и не давал никаких советов. Вокруг собравшихся странников в воздухе мерцали фиолетовые частицы. Пришел и Сама – тот старейшина, который когда-то объяснял близнецам, что такое сон. Лопп, чьи краефраги еще не вернулись, тоже была там. Появился Паа, который давным-давно сообщил Фину и Мо, что теперь, когда они остались вдвоем, тренироваться в Доме Края им запрещено. Не обошла собрание стороной и Эреша по прозвищу Глас Великого Хаоса, вокруг которой толпились служители. Пришли Краж и Каршен, Тэг и Вакас, прекрасная нубунит Тапи. Фин заметил даже Конеку, которая пряталась за своими хубунитами, благоговевая перед таким количеством странников в одном месте. И Кэн тоже был здесь. Он сидел на небольшом холме в очевидно подавленном настроении, а рядом с ним стоял музыкальный блок. Взгляд его необычных зеленых глаз был устремлен куда-то вдаль. Время от времени он пинал песок и траву. Близнецы увидели всех, кого знали. Но незнакомых странников было гораздо больше.

«**ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ ХАОС!**» – обратилась к толпе Эреша, и сила ее разума была так велика, что слова прозвучали громко, словно зов горна.

«**ДА СНИЗОЙДЕТ НА ВАС БЛАГОДАТЬ ВЕЛИКОГО ХАОСА**», – единым хором приветствовали ее странники.

«А как мы узнали, что сюда идут люди?» – спросила Мо у своего брата. Мысль, не предназначенная для чужих ушей, быстро промелькнула между разумами близнецов: – *Существует какая-нибудь... Ну, не знаю... сигнализация? Человеческая сигнализация?*»

«Разве вы не чувствуете?» В их разговор вмешался старейшина. Грубо. Но сейчас все правила и приличия не работали. Наступающая опасность была слишком серьезной, тут уж не до манер. Овари, Смотритель Дома Края, возвышалась над близнецами.

«Двенадцать печатей уже почти на своих местах. На каждую из них люди положат Око Края. И когда это свершится, строительство великого портала закончится, и люди ворвутся в наш мир. Настанет Конец Времен».

«Двенадцать... глаз?» – Фин в ужасе отпрянул. – **ГЛАЗ?** Да что с людьми не так? У кого они забрали глаза? Зачем? Дом перед праздником украсить?»

«Люди способны и на худшее, юный странник», – обратился к нему Каршен, второй хубунит Кэна. В окружении такого количества странников он был спокоен и вдумчив. Его ярость испарилась без следа. – *Они крадут наши жемчужины*».

Мо почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Жемчужины для странников были как сердце и душа для людей. «Почему? Во имя Великого Хаоса, зачем?»

Каршен ответил: *«Благодаря им люди получают способность телепортироваться».*
«Они что, ходить не могут? – ужаснулась Мо. – Или бегать?»

«Конечно, люди могут ходить, а бегают даже лучше многих. Но с жемчужиной Края они прибывают к месту назначения гораздо быстрее».

Для человека это достаточное оправдание, чтобы вырвать душу у странника. Они даже не знают, кому этот жемчуг принадлежал. Украсть сердце странника для них так же просто, как прокатиться на вагонетке.

«Одной жемчужины хватает всего на раз», – донеслись мысли Кэна с его угрюмого насеста на берегу острова. Когда дело касалось телепатии, расстояние не имело значения. Если вы хотите, чтобы вас слышали, то это обязательно случится. Пурпурные частицы, витающие вокруг Кэна, ярко сверкали. – «После того как человек воспользуется жемчужиной, она сгорит и превращается в уголек».

«Просто прекрасно! – воскликнул Фин. – Очень удобно! Для людей мы как факелы! Сожгли за раз и выкинули».

«Я их ненавижу, – подумала Мо. – Как же я ненавижу людей».

Всплеск ярости ворвался в мысли сотни странников Края. Раскаленная добела, черная и ледяная, неутолимая ярость.

«Когда я вижу человека, то не могу остановиться, – прошипел нубунит Тапи, дрожа от злости. – И я не обрету покой, пока его не убью. Пока человек жив, моя душа пылает от ярости».

«Какие замечательные слова, мой друг! – подумал очень высокий странник, стоявший неподалеку. – Какие правильные и верные! Пусть твоя жажда битвы ведет тебя! Сразите их всех во имя Великого Хаоса! Разрушайте их замки! Отнимайте сокровища! И не терзайтесь виной. Они поступили бы с вами точно так же».

«Правда в том, что люди – это величайшее зло, с которым когда-либо сталкивался мир. Они такие же отвратительные, как чешуйницы Края, и уродливы, словно сама смерть, – высказался старейшина Ипари. Его холодные и жесткие слова проникли в сознание всех собравшихся странников. – Но у нас нет на это времени. Каждый странник должен чувствовать, что строительство портала близится к завершению. Внутри словно что-то должно щелкнуть».

Самые маленькие краефраги испуганно оглянулись вокруг, в любой момент ожидая появления людей.

«Ах, малыши все воспринимают иначе, нежели хубуниты, – мягко подумал старейшина Ипари. – В Верхнем мире несколько иной ход времени, чем здесь. Пока люди закладывают очередной камень в фундамент портала и водружают на место очередной глаз, в Крае могут пройти часы или даже дни. Сколько времени потребуется, мы не знаем. Время – приспешник Порядка. Мы с ним не очень в ладах».

«Я ничего не чувствую, – тихо подумал Фин. – А ты?»

«И я нет, – отозвалась Мо. – Может быть, мы просто заболели? Помнишь, у Ворчуна была простуда? Он сказал нам прижаться к нему поближе, чтобы мы тоже заразились».

«Но мы точно знаем, что времени осталось мало, – другой странник, Бейгас, подхватил мысль Ипари. Его лиловые глаза вспыхнули. – Портал откроется прямо под землей, на которой мы сейчас стоим. И люди хлынут наружу, точно лава. Мы должны дать им отпор, в этом нет никаких сомнений. Может быть, мы можем положиться на защиту нашего дракона?»

Все странники подняли глаза к небу.

Вместо ответа они слышали протяжный низкий смех. В их головах появилась одна и та же мысль: *«Глупцы».*

«Край принадлежит нам, – подумала Вакас, одна из странников-пастухов. У нее имела-ся стая шалкеров на склоне одного из маленьких внутренних островов, о которой она заботилась. – Эти земли принадлежат нашему народу. Мы живем здесь с начала времен. У людей нет никакого права отнимать у нас нашу страну и разграблять ее».

«Вообще-то не с самого начала», – прервала ее Вегг. Вегг была учителем стратегии в Телосе. Она вела занятия, за которыми Фин наблюдал за день до этого, сидя в дюнах. Теперь Фин с тоской на нее смотрел. Она читала лекцию, настоящую лекцию. А Фин мог ее слушать. Наконец-то.

«Ты говоришь чепуху, Вегг. Молчать!» – рявкнула Вакас.

«Чепуху? Разве мы построили эти города? Разве мы блок за блоком построили эти башины? Мы посадили деревья коруса? Мы зажгли кристальные факелы на тех столбах? Нет. Ничего из этого мы не сделали. Наши предки нашли это место таким, каким мы видим его сейчас. Кто-то жил здесь до нас, а потом мы отняли их земли, и теперь люди хотят точно так же поступить с нами. Мы так прочно здесь обосновались, что сейчас даже не вспомним имена чужаков и как они выглядели. Кроме того, владение чем-либо – это удел Порядка».

«Я бы не стала заходить настолько далеко, – начала Эреша, Глас Великого Хаоса. – Человеческие захватчики верят, что могут присвоить себе все, что угодно. В их извращенном сознании именно так и устроен порядок Вселенной. Люди видят вещь, она им нравится, они ее уничтожают. Забирают. Поглощают. Разрушают. Используют для строительства своих уродливых сооружений. Мы должны оказать сопротивление. Мы должны сохранить Край и удержать его, и даже если в том, что мы владеем этим местом, есть что-то от Порядка, это несущественно в свете наших потребностей. Краем должны править странники Края. Именно этого желает Великий Хаос».

«Это не единственная наша забота», – подал голос странник Краж.

Их разумы окутала мертвая тишина. Насколько они знали, Краж был самым древним странником из всех – краксунитом. Он представлял собой один из мощных неиссякаемых источников, который дал жизнь всем другим странникам. Лиловый свет в его глазах почти поблек, а частицы светились серебром.

«Я появился на свет задолго до вас. И многое повидал за свою жизнь. Большие страдал. Большие испытал. И каждый миг своего существования мне удавалось избежать дождя».

«Заканчивай с этим, Краж, – заныл Паа. – Твоими рассказами уже никого не удивишь».

Фин и Мо не могли шелохнуться от восторга. Им всегда твердили, что краксунитов нужно уважать. Но на других старейшин Краж не произвел никакого впечатления. Как только странники Края слышали его мысли, то сразу же приняли скучающий вид и начали суетиться. Они ловили свои частицы, слонялись или с внезапно проснувшимся интересом рассматривали стены возвышающихся рядом столбов. Кража никто не слушал – многие даже предпочли бы, чтобы он замолчал. Близнецы воспользовались моментом, подбежали к Кэну и сели на сухую траву рядом с ним. Над берегом острова тяжело нависло ночное небо. Оно, как всегда, было прекрасно. Близнецы так считали.

Краж продолжал говорить, демонстративно игнорируя явное пренебрежение сородичей. Иногда взрослые вели себя очень странно.

«Я побывал в Верхнем мире бесчисленное количество раз. И всегда возвращался. Люди нападали на меня, резали и избивали. Как-то раз мне едва удалось скрыться от дождя. Я верой и правдой служил Великому Хаосу как в Крае, так и в Верхнем мире. И я должен предупредить вас, что люди узнали нашу страшную тайну и готовы обратить ее против нас. Веками они не могли укрыться от взгляда странников Края. Как только мы замечали их – все, им уже было не уйти. Но в Верхнем мире есть одно растение, чьи большие и круглые плоды зовутся тыквами. Если вы забирались не так далеко, как я, то, возможно, и не видели его. Там, где повсюду кусты и виноградники, такие черные и приятные, дружелюбные и добрые, в

чем-то похожие на самих странников Края, люди отыскивали это растение. Они вытаскивают мякоть из тыкв и надевают их на головы как шлемы. И как только их проклятая голова скрывается под этим тыквенным шлемом, то мы перестаем отличать их от других странников Края. Эти шпионы, тайные сыщики, двойные агенты могут свободно ходить среди нас! Возможно, уже сейчас люди стоят здесь, а мы ничего и не подозреваем!»

Ужасный вопль отчаяния эхом разнесся по острову. И затем, как гром после молнии, последовал долгий, низкий смех дракона.

«Есть ли способ противостоять такому оружию?» – расстроилась Лопп.

«Мы можем как-нибудь проверить, кто из нас настоящий странник Края?» – спросил Каршен, напряженно смотря в сторону берега острова. Туда, где сидел Кэн со своим проклятым музыкальным блоком.

«Нет, никак, – признался Краж. А ведь теперь все его слушали, правда? О да. Вот теперь они внимали ему. Краж упивался моментом: – Мы должны быть осторожными. Никуда не ходить в одиночку. Только группами по четыре странника или больше, если есть такая возможность. Чуть ли не впервые мы так сильно нуждаемся в поддержке друг друга. Будьте сильными. Не теряйте веры в Великий Хаос. Он будет направлять и защищать нас. Он ниспослет нашим врагам разрушение. Везде, где получится, разместите шалкеров. Люди идут сюда. А может, уже и добрались. Мы должны быть готовы ко всему. Мы должны защищать свои земли от незваных гостей».

Тапи нахмурилась, но не стала делиться своими мыслями.

«Но должен же быть способ отличить людей от нас», – подумал Каршен. Он так сощурился, что глаза на его черной голове превратились в фиолетовые щелочки.

«Он смотрит на нас?» – испуганно подумал Фин.

«Да, на нас, – ответила Мо. – Я уже пожалела, что мы сюда пришли. Он сумасшедший».

Каршен не сводил с них пристального взгляда. Он прожигал их насквозь. *«Не может быть, чтобы изобретение людей было настолько хорошим и странники Края не могли бы распознать обман. Люди, может, и сильные, но при этом еще злые и глупые. Чтобы общаться, им приходится говорить вслух, как животным. А ртом они не только говорят, но еще и едят. Никакое существо, общающееся с помощью дырки в голове, куда оно запихивает еду, не сможет превзойти достойного странника Края. Должно же быть хоть что-то, способное разоблачить шпионов! Если присмотреться поближе».*

«Я не говорил, что среди людей на самом деле были шпионы, – поспешно вмешался Краж. – Только что это возможно. Не стоит спешить с выводами. Настоящие слуги Хаоса рассматривают все возможные варианты».

Но Каршен совершенно не слушал краксунита. *«Ключ к разгадке существует, – прорычал огромный хубунит в головах сородичей. – Если бы только кто-нибудь был достаточно мудр, чтобы это заметить. Люди отличаются от нас. О да. Совершенно отличаются. Это уродцы. Изгои. Монстры. Те, кто просто не может вести себя нормально, как бы вы ни старались их принять. Те, кто не испытывает ни уважения, ни любви к Краю и не умеет вести себя. Те, кто отвергает собрания странников и убегает, чтобы побыть... побыть... в одиночестве. УФ! Люди никогда не понимали, что такое семья. Что вместе, что врозь они все равно остаются такими же уродливыми, глупыми, неприятными, раздражающими и жестокими...»* – Каршен так распалился, что в нем заклокотала ярость. Его гладкие темные плечи задрожали и заполыхали красным огнем. Неистовая ярость странника Края, который видел перед собой людей.

«...И ГРОМКИМИ», – закончил он.

«Не подходи!» – закричала Мо. – *Ты нас не знаешь! Ты ничего о нас не знаешь!»*

«Пожалуйста, Каршен!» – Фин добрался до вершины. За ним с края острова сорвались в пустоту обрывки травы и струйки песка. – *Мы же ели и пили за одним столом! Ты принял*

нас, когда наши хубуниты попали под дождь! Каршен, ты ведь нас знаешь еще с тех пор, как мы были совсем маленькими! Мы впервые слышим про эти тыквы!»

Каршен издал боевой клич странника и с громкими криками бросился к ним. Звук был такой, словно завывала какая-то ужасная механическая сирена.

«КЭН!» – взревел хубунит. Он взмахнул своими длинными руками и отбросил Фина и Мо в сторону, словно черных кукол. А затем с воплем радости и триумфа сбросил музыкальный блок с края драконьего острова в пустоту. Вслед за ним вскрикнул Кэн. Его сознание обливалось белоснежными слезами. Они тихо и медленно падали, а потом растворялись во мраке. Каршен схватил своего фрагмента за голову и ударил его об землю с невероятной силой, словно хотел, чтобы она раскололась. Разумеется, такого бы ни одна тыква не выдержала. *«Я знал это! Всегда знал! Теперь все сходится. Ты не мой фрагмент! И никогда им не был! Ты – ЧЕЛОВЕК С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ!»*

Кэн сдался. Он лежал на земле у ног своего хубунита и плакал.

Глава 5. Шпион

Фин и Мо унесли Кэна на свой корабль. Они встали с двух сторон от друга и подставили плечи под его тонкие руки, а потом перенеслись через цепь островов, телепортируясь с одного места на другое. Путешествие прошло практически незаметно: близнецы двигались очень аккуратно, им не хотелось сильно трясти Кэна.

На корабле царил тишина. Шумный Совет Края остался далеко позади. Друзей приветствовало лишь мерцание стержней Края и редкий стук панциря Ворчуна, похожий на биение сердца.

«Как твоя голова?» – прошептала Мо.

Кэн глухо застонал. Близнецы слышали это лишь в своих головах, но так было даже хуже. Когда ты стонешь мысленно, то не можешь делать это тише, чтобы твои друзья не волновались. Не получится ничего скрыть.

«Вот, садись, – подумал Фин. – Сейчас принесу кое-что, и приведем тебя в порядок. Я на сто процентов уверен, что тут где-то лежало лечебное зелье».

«Почему вы мне помогаете?» – с горечью подумал Кэн. – *Вы же слышали, что он сказал. Я – грязный, отвратительный, уродливый и громкий человек. Прекратите помогать. Вы не стали бы ничего делать для шпиона, если бы поймали его. Таких допрашивают. И я готов».*

Ворчун несколько раз хлопнул панцирем. Друзья услышали сдавленный смех.

«Когда Ворчун говорит, что именно он ненавидит, его нужно слушать, – захихикал шалкер. – Говорил вам. Говорил вам! Но никто не слушает, что же Ворчун ненавидит. А Ворчун ненавидит самое лучшее. У него есть уважительные причины ненавидеть. Ха-ха, Кэн, я ненавижу твое лицо. Так и хочется вцепиться в него зубами. А хочешь узнать один секрет? Если позволить Ворчуну делать то, что он хочет, то жизнь станет намного лучше для всех».

«А ну замолкни!» – огрызнулся Фин. – *Не сейчас, Ворчун».*

«Ты можешь укусить меня, Ворчун, – с грустью подумал Кэн. – Я заслуживаю намного худшего, чем кус шалкера».

«Ох, Кэн. Тише, – Мо полезла за одну из бочек в трюме и начала там копать. Когда она вылезла обратно, то уже держала что-то в руках. Мо протянула предмет Кэну. – Съешь и почувствуешь себя лучше».

Золотое яблоко. У Мо таких было всего два. Они обладали невероятной ценностью. Она нашла их где-то в глухих переулках Телоса, на куче пыли, которая, по ее предположению, когда-то была человеком. Наверняка его поймал на воровстве какой-нибудь странник Края. Возможно, человек собирался исцелить себя, съев яблоко, а добропорядочный житель Телоса ему помешал. Сделал так, как было нужно. Мо посмеялась над кучкой пыли. *«Ты мертв, – подумала она. – Какой глупый. Только глупцы умирают».*

Кэн медленно ел яблоко. Очевидно, у него сильно болела челюсть. Но лиловая кровь постепенно высыхала и пропадала. Синяк на голове поблек и исчез. Странник Края вновь сидел ровно и выглядел совершенно как раньше. Все такой же черный и прекрасный, как и всегда, с острыми и четкими чертами лица. Сверкающие глаза были все того же яркого зеленого оттенка, который так полюбился близнецам. Никакой тыквы они не заметили. Ни одного зернышка или кусочка мякоти.

«Каршен ошибается, – подумала Мо. – Разумеется, он ошибается. Как ты мог хоть на секунду усомниться, что тебе здесь не место? Ты такой же странник, как и все мы. И всегда им был. А твой хубунит просто...»

«Идиот, – закончил Фин мысль сестры. – И задира».

«Но если я человек, то вы никак не смогли бы это понять!» – возразил Кэн. – *Я бы выглядел совершенно обычно! Я человек. Точно. Это все объясняет. Мою музыку. И мои... мои глаза.*

Только так все обретает смысл». – Странник шмыгнул носом и потер глаза так сильно, словно ему хотелось стереть их с лица насовсем.

«Знаете, люди ведь любят музыку. О... – внезапно вспомнил Кэн. – Мой музыкальный блок! Его больше нет... совсем...»

В головах друзей вспыхнуло воспоминание. Вот несколько лет назад Кэн нашел свой музыкальный блок на одном из внутренних островов. Маленький Кэн с сияющими зелеными глазами бродил в одиночестве по крошечному клочку земли, парящему в пространстве, где едва умещалось одно жалкое дерево. В одиночестве, потому что он больше не мог оставаться дома. Потому что в то утро его друзья-фрагменты снова обзывали его «зеленоглазым», и Кэн ненавидел себя. Ненавидел свои слезы. Ненавидел, что товарищи его презирают. Ненавидел зеленый цвет своих глаз. Каждый день он мечтал, что проснется, а они светятся розовым. А потом он увидел блок, лежавший на желтой земле рядом с парой ботинок, сломанным мечом, пакетом яблок и приготовленной треской, словно тот только и ждал появления Кэна. Поначалу он не понял, что это такое. А просто дотронулся до блока. Без всякого дурного умысла.

Но как только рука Кэна коснулась этого дурацкого коричневого блока, зазвучала музыка. А теперь блок пропал.

«Кэн, любая тыква бы развалилась после того, что хубунит с тобой сотворил», – подумала Мо.

«Ты не можешь знать наверняка. Ты вообще видела хоть одну тыкву?»

«Ну... Почти. Краж сказал, это растение. Так что, я полагаю, это какой-то фрукт?»

«Видишь?»

Фин схватил друга за плечи и тряхнул.

«Кэн! Как ты ВООБЩЕ можешь быть человеком? Помнишь Краество, когда нам было пять? Твои хубуниты позволили нам прийти к вам домой и отведать ужин в честь Божественного Хаоса. Единственный год, когда нас пустили к тебе домой. Помнишь?»

«Да», – пробормотал Кэн.

«А ты помнишь, почему нам разрешили прийти?»

«Потому что я очень просил. И я пообещал целый месяц не притрагиваться к музыкальному блоку, если они позволят вам прийти на ужин. Я сказал им, что Великий Хаос одобряет жизнь в одиночестве, потому что одиночки могут бродить где хочется и делать что хочется. И если вы двое придете, то это Краество станет самым Хаотичным. А еще – что никто не должен праздновать Краество в одиночестве. Дождь может настичь кого угодно. И в том не было вашей вины».

«Да, именно это ты и сказал. Потому что ты – замечательный друг. Дружить умеешь так же хорошо, как играть на музыкальном блоке. А ведь это было семь лет назад, Кэн. Если все эти годы ты был человеком и шпионил, а при этом никто ничего не заподозрил, то, честно говоря, я считаю, что мы должны прямо сейчас объявить тебя королем Края, потому что ты это заслужил. Твоя игра тянулась бы слишком долго. Мы ведь были еще маленькими. А дети не могут быть шпионами. Это просто смешно.

«Наверное, ты прав», – Кэн вздохнул.

«Конечно прав, – согласилась Мо. – Проблема в твоём хубуните. И только».

«А как же мои глаза? Ведь ни у кого нет зеленых глаз. Вы не можете отрицать, что придумать им объяснение очень сложно».

Брат и сестра промолчали. В самом деле, объяснить такое было непросто.

«Даже если мы не знаем причину, это не значит, что у тебя плохие глаза, – тактично заметила Мо. – От этого ты не превращаешься в монстра. Иногда ты просто отличаешься от других без какой-либо причины. Один фрукт не похож на другой, одно дерево может быть выше другого или ниже, какие-то города могут быть больше и красивее других, а некоторые странники...»

«Но ведь дело не только в этом, Мо, – продолжал настаивать Кэн. – Кто-то же не отличается. Вот в Крае все похоже. Возможно, в Верхнем мире все иначе, и там ты была бы права. А здесь у каждого есть свое место. Плоды коруса все одинакового цвета. Города все одинаково прекрасны. Все выглядят одинаково. Все как один. А я отличаюсь».

«Так и мы тоже, – вмешался Фин. – Мне кажется, мы втроем просто должны отличаться от всех. Разве не об этом твердит Великий Хаос? По крайней мере, должен».

Долгое время друзья молчали, держа свои мысли при себе. То есть они все тщательно обдумывали что-то, но решили пока не делиться друг с другом. Их разумы были спокойны и тихи, словно ночное небо.

«Но вы такие же, как и все, – наконец заговорил Кэн. – Почти не отличаетесь от остальных. Пока ваши хубуниты не попали под дождь, вы были обычными странниками. Конечно, сейчас вы другие, но это только из-за того, что с вами произошло. Возможно, когда вы подрастаете, то даже сможете исправить свое положение. Будете взрослыми, создадите свою Стаю и станете жить точно так же, как и другие странники Края. У вас все наладится. В детстве вы были нормальными детьми. И потом вы станете нормальными взрослыми. А мои глаза всегда были зелеными. И их цвет никогда не сменится на розовый».

«Ненавижу розовый», – пробурчал шалкер из своего панциря. Хлоп-хлоп, хлоп, хлоп-хлоп.

«Спасибо, Ворчун, – с благодарностью отозвался Кэн. – Очень мило с твоей стороны так сказать».

«Зеленый я тоже ненавижу. – Хлоп-хлоп, хлоп, хлоп, хлоп. Звук, с которым открывался и закрывался панцирь Ворчуна, очень напоминал хихиканье. – Может, позже покусая зеленый».

Кэн провел рукой по золотой кирасе, которая стояла, прислоненная к стене трюма. *«Просто я думаю, что нам не стоит отбрасывать эту идею совсем. Что я на самом деле человек. По крайней мере, не сейчас».*

Фин всплеснул руками.

«Кэн, просто забудь об этом, и все! А теперь послушай: ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь. Мы тебя защитим. На корабле есть много оружия и даже взрывчатка, так что не волнуйся. Но я больше и слышать не желаю, что ты человек. Это глупо. Просто глупая шутка».

Мо покачала головой: *«Ты не можешь быть человеком. Это совершенно невозможно».*

«Почему нет?»

«Потому что люди – ужасные чудовища. Они жестокие, уродливые и ненасытные. А ты... ты просто чудо».

Брат и сестра снова увидели в своем сознании, как с конца стержней края медленно падают белые искры. И пока они падали, их цвет сменялся на красный. Мо и Фин поняли, что их друг плачет от отчаяния. Кэн потер лицо ладонями с длинными черными пальцами.

«Разве вы не понимаете? Я хочу быть человеком! Хоть бы я оказался человеком! Почему-то я очень надеюсь, что мой хубунит прав. Ведь тогда все сразу прояснится. И я вдруг пойму все-все, что когда-либо случилось со мной! Вся моя жизнь будет как книга – такая, что, закончив ее читать, человек думает: „Ну конечно! Потрясающе! Как же я раньше не замечал?“ Все встанет на свои места. И я пойму, кто я на самом деле. Я мог бы уйти куда глаза глядят, и никто из встречных путников не обратил бы на меня внимания. Никому не было бы до меня дела, ведь я был бы таким же, как все. Нормальным. А когда я бы играл музыку... они бы слушали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.